

Хитрово Василий Николаевич

**Николай Федорович фан дер
Флит**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В19

В19 **Василий Николаевич Х.**
Николай Федорович фан дер Флит / Хитрово Василий Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-521-29144-1

ISBN 978-5-521-29144-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глубокоуважаемая
Елизавета Карловна

Примите, со свойственною Вамъ благосклонностью, эти, лично для Васъ однихъ, написанныя воспоминанія и простите ихъ несовершенства. Подробно, въ началъ, изложилъ я причины, отчего признаю вообще написать біографію столь же недостижимымъ, какъ вызвать вновь на свѣтъ обликъ безвременно насъ покинувшаго. Если, тѣмъ не менѣе, въ моихъ воспоминаніяхъ Вы найдете действительно, хоть одну черту, дорогою образа нашего незабвеннаго Николая Федоровича, я буду счастливъ, исполнивъ мой долгъ относительно него, за его тридцатилѣтнее доброе ко мнѣ отношеніе, и мой долгъ благодарности и уваженія относительно Васъ.

Кто изъ насъ не переживалъ потери дорогихъ близкихъ и у кого изъ насъ при этихъ потеряхъ, среди невыразимаго горя, болѣзненно не выступали два особенно тяжелыхъ чувства: сознаніе, что никогда, никогда болѣе не увидишь дорогаго, по крайней мѣрѣ, такъ какъ его привыкъ видѣть, и затѣмъ, равнодушіе окружающей жизни къ покинувшему ее.

Оба эти чувства — сознаніе безвозвратной потери и равнодушіе всего человѣческаго къ тому, кто за минуту до того жилъ общемою съ нимъ жизнью, возбуждаютъ въ насъ страстное желаніе возсоздать, вызвать образъ дорогаго умершаго и этимъ уничтожить, хотя отчасти, роковое для насъ никогда и заставить человѣчество хоть на минуту сочувственно остановиться на этомъ, для насъ дорогомъ, образѣ.

Напрасное желаніе. Ни дивное творчество скульптора, ни кисть Рафаеля не воссоздадутъ намъ потеряннаго; высшая похвала ихъ творенію — *какъ живой*, звучить злою ироніею къ нашему горю.

Остается воссоздать его нравственный, духовный обликъ, то, что думалъ его умъ, чѣмъ жило его сердце. Это, безспорно, относительно легче, но легче только потому, что неопредѣленнѣе, туманнѣе. Въ этомъ духовномъ обликѣ мы видимъ только то — что видимъ, что думаемъ, что желаемъ видѣть, и это видѣніе воображаемаго почти всегда затмѣваетъ дѣйствительное, которое мало-по-малу совсѣмъ исчезаетъ, оставляя лишь одно — вызванное горемъ: никогда.

Даже автобіографія никогда не передастъ вполнѣ духовнаго образа писавшаго. Если она писалась въ продолженіи всей жизни — изо дня въ день, невольно передъ писавшимъ проноси-лась мысль: ее прочтутъ другіе. Если, на оборотъ, она писалась на склонѣ дней, какъ воспоминаніе пережитаго, то кто можетъ не признать, что освѣщеніе заходящаго солнца не то, какъ яркаго полдня.

Вотъ причины, отчего я лично всегда

признавалъ біографію самою трудною изъ всѣхъ литературныхъ опытовъ; пусть это дѣлаютъ другіе, болѣе опытные, болѣе безстрастные, могущіе смотрѣть на жизнь со стороны. Глубоко убѣжденъ, что такая, такъ сказать, кабинетная біографія, по бумажнымъ справкамъ и матеріаламъ, будетъ не только интересна, но и полезна для человѣчества, заставитъ многихъ задуматься надъ прожитымъ, навѣетъ на нихъ новыя мысли, новыя чувства и для незнавшихъ покойнаго представитъ не только утѣшительную, но даже достойную подражанія картину; для близкихъ же, знавшихъ покойнаго, жившихъ одною съ нимъ жизнью, она лишь дастъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, нѣсколько хронологическихъ данныхъ и, какъ ни грустно сознаться, больше ничего. Съ этимъ нужно если не помириться, то по-крайней мѣрѣ этому нужно подчиниться, какъ неизбежному злу.

Въ виду этого сознанія, я не рѣшился приняться за біографію дорогаго покойнаго; не былъ я съ нимъ настолько близокъ, чтобъ могъ сказать: мы жили одною жизнью, и наоборотъ, многіе часы жизни прожили мы

вмѣстѣ рука объ руку, часы дорогіе мнѣ и до настоящаго времени. Эти личныя мои воспоминанія безъ справокъ, безъ подбора матеріаловъ, то, что память сердца сохранила о Николаѣ Ѳедоровичѣ, я постараюсь изложить, какъ отдѣльныя черты того дорогаго облика, который въ полной цѣлости намъ не суждено никогда болѣе увидѣть.

Мы встрѣтились съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, впервые, лѣтъ 30 тому назадъ, въ библіотекѣ Министерства Финансовъ. Была ли это первая или одна изъ первыхъ встрѣчъ, не могу сказать, но до сихъ поръ мнѣ помнится — ярко освѣщенная лѣтнимъ солнцемъ библіотека Министерства въ ея старомъ помѣщеніи, помню въ ней нашихъ тогдашнихъ сослуживцевъ: Бушена, Корсака, Скаловскаго и среди нихъ Николая Ѳедоровича, тогда завѣдывавшаго библіотекою, вызванною имъ къ жизни. Это было лучшее, и думаю единственное, время жизни этой библіотеки. У Николая Ѳедоровича — молодого тогда еще, 27, 28-лѣтняго человѣка, вполне развита была та черта, которая, не измѣняясь, сохранилась до гробовой доски — дѣлать хорошо и добросовѣстно все, что бы онъ ни дѣлалъ, вкладывая въ дѣло

все свое умѣнье. Библіотека Министерства, забытая, заглохшая, разрозненная, гнила гдѣ-то въ подвалахъ Министерства, никому невѣдомая. Существовала тогда, когда такъ въ модѣ были комиссіи, при Министерствѣ Финансовъ, податная комиссія подъ предсѣдательствомъ А. К. Гирса и съ В. П. Безобразовымъ, какъ главнымъ дѣятелемъ. Печатала эта комиссія обширныя изслѣдованія, которыя обыкновенно начинались съ вопроса: а какъ на западѣ? А чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ необходимы были справки, необходимы были книги. Библіотека понадобилась и привести ее въ порядокъ, въ соотвѣтствіе съ требованіями, поручили Николаю Ѳедоровичу. Онъ предался этому дѣлу съ полнымъ самоотверженіемъ. По мѣрѣ того какъ приводилась она въ порядокъ, болѣе и болѣе ею пользовались, болѣе и болѣе ее посѣщали и мало-по-малу, благодаря личности Николая Ѳедоровича, она сдѣлалась ежедневнымъ, между 3 и 4 часами, мѣстомъ сходокъ почти всѣхъ тогдашнихъ юныхъ дѣятелей Министерства. Мои первыя посѣщенія ея относятся къ этому времени. Какъ и многіе другіе, я занимался тогда разными финансовыми вопросами, мнѣ нужны

были тоже справки, любилъ я книги и книги сблизили меня съ Николаемъ Ѳедоровичемъ.

Такимъ, какимъ тогда я его узналъ, такимъ же видѣлъ я его и въ послѣднее наше съ нимъ свиданіе, за нѣсколько дней до его кончины. Никогда въ жизни мнѣ не случилось встрѣчать другаго человѣка, который бы такъ сказать сразу, вполнѣ вылился въ форму и остался, безъ малѣйшей перемѣны, такимъ же цѣльнымъ, черезъ весь, относительно длинный, періодъ человѣческой жизни. Тѣ же стремленія, мало того, тотъ же путь къ преслѣдованію этихъ стремленій, которыя у него тогда высказывались,—имъ остался онъ безусловно вѣренъ до гробовой доски.

Сомнѣваюсь, чтобы эти стремленія были навѣяны Николаю Ѳедоровичу—Лицеемъ, въ которомъ онъ воспитывался и изъ котораго онъ вышелъ въ 1860 г. съ первою золотою медалью. Онъ поступилъ въ Лицей въ то время, когда я изъ него выходилъ, такимъ образомъ мы съ нимъ были почти однокашники. Въ Лицеѣ оставались тѣ же директора, воспитатели, профессоры, какъ и при мнѣ, а потому о томъ, что могъ дать Лицей въ то время, я могу судить какъ очевидецъ и дол-

женъ сознаться, что онъ давалъ не многое. Изъ профессоровъ не было ни одной выдающейся личности, ни одной, которая бы заставила полюбить науку, я уже не говорю о томъ, чтобъ научила работать. Еще слабѣе была воспитательная часть, которая ограничивалась исключительно лишь одною внѣшнею, дисциплинарною стороною. Ученье сводилось къ приготовленію уроковъ, а воспитывались мы сами или, вѣрнѣе всего, воспитывало тогда насъ то, что давала семья. Вотъ отчего и въ Лицеѣ, говорю о старомъ, являлись цѣлые курсы удачные, даже выдающіеся и рядомъ курсы ниже всякой посредственности. Это зависѣло всецѣло отъ случайнаго подбора воспитанниковъ. Являлось большинство вынесшихъ хорошіе задатки изъ семьи, оказывалось нѣсколько выдающихся воспитанниковъ, умѣвшихъ пріобрѣсти вліяніе на другихъ, и курсъ выходилъ хорошимъ, оказывалось противное—и результаты, конечно, были хуже. Просматривая списокъ сотоварищей Николая Ѳедоровича, не полагаю, чтобъ его курсъ могъ бы вліять на него, и это для меня подтверждается еще тѣмъ, что въ дальнѣйшей его жизни онъ сохранилъ това-

рищескія отношенія съ весьма немногими изъ нихъ; отъ Николая Ѳедоровича приходилось чаще всего слышать о А. І. Кочетовѣ, Д. В. Князевѣ, Л. А. Милорадовичѣ и А. П. Баумгартенѣ.

Если Лицей ничего не давалъ воспитаннику, кромѣ правъ, и слѣдуетъ сознаться, весьма высокихъ, на государственную службу, то это было тогда далеко не такъ существенно, такъ какъ въ то время внутреннюю, духовную жизнь нарастающаго поколѣнія давала всѣмъ еще семья, и не столько словами, сколько всѣмъ своимъ строемъ, всею своею обстановкою. Думаю, что именно семья и дала Николаю Ѳедоровичу ту форму, въ которой онъ вылился.

Покойную его матушку, Ольгу Николаевну, я хорошо зналъ; отъ нея получилъ онъ ту фанатическую до болѣзненности страсть къ порядку, къ урѣзыванію своихъ желаній и къ педантичному сохраненію того, что разъ было установлено въ семьѣ. Его отецъ, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, котораго я почти не зналъ, по отзывамъ людей, близко его знавшихъ, былъ олицетвореніемъ добра и чести, съ совершенно дѣтскою, по чистотѣ и незло-